

Статья Дмитрия Бобышева «Преодолевшие акмеизм», предваряющая его новую книгу «Петербургские небожители», хотя и повествует в большей степени об Ахматовой, как нельзя лучше представляет творчество самого Дмитрия. Эта статья полемизирует с известной работой академика Жирмунского «Преодолевшие символизм». Бобышев хорошо понимает, что творчество есть постоянное преодоление себя в себе. «Буквально самого себя прирав, / каков ты есть, ты по такой идее / неслыханно, неоспоримо прав, / из низких и нежнейших наслаждений / наславая опыт или сплав». «Надо гениальничать», – говорил Пастернак. Надо уметь развиваться и быть разным. При свете лампы Анны Ахматовой писать плохо было невозможно.

Всех четырёх молодых поэтов, сблизившихся с Анной Андреевной, отличала, как неизменная спутница таланта, мастеровитость. Дмитрий Бобышев работает со словом энергично и одновременно изысканно. Он один из самых своеобразных поэтов нашего времени. У него есть даже, по его собственному выражению, «наружная душа». Неожиданные оттенки слов и необычности в деталях – вот регистр поэтики Бобышева. Элементы небарокко насыщают пространство его стихотворений неповторимым авторским языком. В любой произвольно взятой теме Дмитрий конгениален самому себе и не похож ни на кого другого. Редко употребляемые слова, индейские топонимы, просто удачно найденные словосочетания погружают нас в волшебный мир лирики Бобышева. Бобышев – это вечное становление. Словно бы он задался сверхзадачей – соединить в своём сердце прошлое и будущее. И в этом плане эмиграция не только не «прищемила дверь» поэта, но и придала ему импульс нового, неизведанного опыта «с утопией великой, с духовностью, как тот кровавый хлеб», – говорит он в поэме «Звёзды и полосы». Помимо чисто языковой и философской одарённости, у Бобышева есть почти сверхъестественная дотошность и наблюдательность, и всё это вместе создаёт объём его поэзии.

Мир Дмитрия – антропоцентричен. Человек не может дотянуться до звезды. Только огромным усилием он может на мгновение сравниться со звездой по относительной яркости сияния. Таково звёздное превосходство Вселенной над маленьким человеком. Тем не менее, есть нечто общее между человеком и звездой. Внутреннее горение может помочь человеку понять звезду.

## ЗВЕЗДА

Какая яркая – огня и льда слиянья,  
И – силится внушить пульсирующий знак!  
Я мог его понять, но только сам сияя,  
сияя, – что давно и далеко не так.

А виделось: горит в селеньях занебесных  
оконная свеча в покое, где ночлег.  
Последний перегон, и мысль истаёт в безднах.  
И всё же не совсем, – так верит человек.

Но ежели вблизи мерцания и света  
на месте мировом откроется дыра  
и слижет огонёк, – примите весть, что это  
кому-то на покой в той горнице пора.

Какая яркая, какая ледяная  
и вечная... Хотя – вся вечность: до зари.  
Мгновения мои в себе соединяя,  
вот – и сорвётся луч. Я говорю: – Гори!

В стремлении к большим формам Бобышев солидарен с поздней Ахматовой. Конечно, его творениям не всегда свойственна столь строгая классицистичность, которая была присуща Анне Андреевне. Дмитрий часто ломает силлабо-тонику каким-нибудь узором, витиеватостью строфы. Как и в «Поэме без героя» у Ахматовой, в произведениях Бобышева случается тайнопись, требующая расшифровки. Этот тренд в русской поэзии пошёл, если я не ошибаюсь, с поздней книги Михаила Кузмина «Форель разбивает лёд». Безусловно, в «герметичную» поэму внесла свою лепту в двадцатые годы прошлого века и Марина Цветаева. Впрочем, герметизм у Бобышева – не самоцель, он склонен к саморазоблачению. Как правило, писатель всегда даёт «ключик» к культурному коду, по которому можно разгадать всю цепочку. Когда я читаю стихи Дмитрия, у меня то и дело возникает ощущение, что автор замахнулся на что-то очень значительное, что он стремится «переформатировать» всю нашу культуру, а заодно и западную, вложив всё это богатство в свои

произведения, выказав таким образом сопричастность шедеврам мировой культуры. И делая «инъекцию культуры» нам самим. Поэма является для него самым естественным жанром, в котором он чувствует себя как рыба в воде.

Пожалуй, 21 век не очень приветлив к поэме как стихотворному жанру. А ведь совсем недавно ещё, если ты не написал ни одной поэмы, ты не входил в сонм «небожителей». «Петербургские небожители» – именно так называется новая книга поэта. Поэмы Дмитрия разнообразны. Это может быть просто большой цикл стихов («Цветы», «Русские терцины»). Из наблюдения простого предмета, вроде цветка, у него вырастает поэма. Он не ждёт сюжета, а придумывает его изнутри. Поэта характеризует творческое отношение к жизни. Он пишет:

Жизнь, мистический Грааль!  
Если в жарком закуте  
обретаемый рай  
гибнет ежесекундно,  
значит, время – цыкута, –  
пей, цветы, умирай.

Жизнь – сама себе награда. Особенно – для поэта. Поэт прав своей жизнью, конвертированной в стихотворные строчки. Талант Дмитрия Бобышева часто проявляется в описании мелких подробностей, нюансов, при том, что и глубинная философия ему не чужда. Поэту присуща «интровертная созерцательность», а порой и, как говаривал Гумилёв, «высокое косноязычье». В начале творческого пути на Дмитрия повлияла проза Рильке, «Записки Мальте Лауриде Бригге». В сущности, Бобышев и начал писать стихи под влиянием этой странной книги австрийского гения.

Своеобычность стиля поэзии Дмитрия напрямую связана со словоизобретательством. Можно открыть любое его произведение, и в нём мы обязательно найдём придуманные поэтом новые слова. Либо – очень редко употребляемые, часто – архаичные. Всё это создаёт впечатление, что стихи написаны не просто на русском языке, а на «бобышевском диалекте» родного языка. Дмитрий, подобно мифологической амфисбене, демонстрирует способность двигаться во времени одновременно и назад, и вперёд: назад, к 18-му веку русской поэзии, вперёд, к неофутуризму. В его исполнении есть даже видеомы (поэма «Стигматы»). У меня складывается ощущение, что поэт целенаправленно выбрал такую стратегию движения: вперёд, к Державину, к архаизмам, к церковно-славянскому языку, в литургию, чему в немалой степени поспособствовало его личное воцерковление.

Это, конечно, парадоксальное решение, но, как известно, новое – хорошо забытое старое. У Бобышева в стихотворном плане это, прежде

всего, поход за энергетикой, за сцеплением согласных, сопротивление лёгкости звучания. Дмитрий – не только «преодолевший акмеизм», но и «преодолевший пушкинизм» и кузминскую «прекрасную ясность». Например, открываю наугад новую книгу. Попадаю на поэму «Волны». Вот какие редкие слова употребляет поэт: раскрешет, распятерив, двуглаво, женство, обезводит, обезбрежит, расколебались, вплавишься. Всё это, по существу, бобышевские неологизмы. Есенин оживлял свою речь, придумывая отглагольные существительные и существительные, образованные от прилагательных: стынть, рань, цветъ. Но ведь Бобышев делает это в разы чаще!

Для него слов не рифмующихся не существует. Он понял, что, если рифмы нет, надо её придумать! Мы смеёмся над Незнайкой, который к слову «пакля» придумал всего лишь одну рифму «шмакля». А ведь Незнайка по-своему гениален! Но посмотрите, какие удивительные рифмы придумал Дмитрий Бобышев к слову «жизнь». Жизнь – вобрызнь! (синоним – «вбрызни»). А ещё «пару джинс»! А вот ещё – «грызнь» от слова «грызть». То же самое, что «цветъ» и «стынь» у Есенина. Мне кажется, словотворчество – одна из первоочередных поэтических задач Бобышева, которые он ставил перед собой в эпоху, когда ещё не было современных «слов-кентавров». У каждого времени – свои неологизмы и свой авангард. Язык поэта изобретателен, а его неологизмы естественным образом вплетаются в космогонию. Бобышев не просто уверенно чувствует себя в родном языке. Степень его уверенности такова, что, образуя новые слова и воскрешая старые, он, на мой взгляд, эстетически ни разу не промахнулся.

Конечно, нельзя оставить без внимания то важное обстоятельство, что ДБ – питерский поэт. И, конечно, он «экспортировал» свой родной город, город духовного становления (не Мариуполь, в котором родился), за границу.

Город-нищий, город-принц,  
Где имперски мыслят камни  
В преломленьи невских призм.  
Держит череп город-Гамлет...

«Петербургские небожители» – это ещё и привет родному городу из далёкой Америки. Поэт не идеализирует город своего детства и своей молодости, но любит его, впитав в себя всю контрастную историю его существования.

Хорошо владея полистилистикой, Бобышев явил нам в своей новой книге большое голосовое разнообразие. Образно говоря, Дмитрий – это Хлебников с инструментарием Мандельштама. Человек хочет укорениться в новой для себя родине – и не может. Если бы ему позволено было, подобно черенку растения, «мучительно пустить

прозрачный корешок», укорениться в земле, у него, возможно, исчезло бы переживание конечности бытия. Флора – это будущее человечества. Фауна – его прошлое. Бессмертие человека – в его укоренённости. Вот только как укорениться в чужой земле?! Эта удивительная дилемма посетила человека, который, «земную жизнь пройдя до половины», был унесён ветром времени в другую страну.

В эмиграции «поэзный пыл» у Дмитрия не угас. И опять-таки в этом я вижу знамение времени. Поэт без поэмы мыслился в то время существом неполноценным. Лирику Бобышеву для поэмы нужен разве что внутренний сюжет. Отсутствие крупного лирического повода ничуть не смущает поэта и не мешает ему творить. В этом, пожалуй, сказывается мировоззрение поколения русских поэтов, следующего сразу за шестидесятниками. Поэма как длинное лирическое стихотворение, разбитое на множество частей с постоянной сменой ритма. На мой взгляд, длинные произведения Дмитрия родственны фильмам Андрея Тарковского: всё происходит как в замедленной съёмке. Бобышев не то чтобы останавливает мгновение... он его замедляет. Воздушный шар («Ода воздухоплаванию») взлетает медленно и плавно. Наслаждаясь проживаемым мгновением. Невероятное множество подтекстов и ответвлений. Стихи Бобышева описательны, метафоричны и метафизичны. И в то же время – чёткость формулировок. Вот, например, портрет Серебряного века русской поэзии:

Поэзия была, как волшебство.  
Поэты слыли чем-то вроде солнце,  
слепительно влюблялись, кто в кого:

в прекрасных незнакомок, в тьму поклонниц,  
в Любашу Менделееву, увы...  
При том – глядели в Слово, как в колодец.

Живой водою брызгались, волхвы.  
Злом любовались – всласть. И всё ж неплохо  
посеребрили век. А мы? А вы?

По нам ли будет названа эпоха?

Внимательный читатель здесь вычитает, конечно, название знаменитой прозаической книги Константина Бальмонта «Поэзия как волшебство». В этом же цикле – «Русские терцины» – есть невероятно прозорливые строки о России.

– Мы Запад. – Нет, еще какой Восток!  
– Смотря с какого края горизонта...  
Мы сами по себе – таков итог.

Меж двух сторон распаханная зона  
(нет паспорта – и сразу виден след).

И эта жизнь в колхозо-гарнизоне

всех единит и делит: да и нет.

Все – против нас или за нас... Да полно!

– Хвала Создателю, есть Новый Свет,

где можно век прожить, о «нас» не вспомя.

«Особый путь» России, возведённый в культ, как ни парадоксально, в конечном итоге, разоряет страну духовно, мешает ей черпать из других источников. Многие поэмы Бобышева, которые вошли в новую книгу, построены по принципу многоголосия, фуги. Следует отметить симфонизм творческого мышления Дмитрия Бобышева. Он – мыслитель, отзывающийся на многие мучительные вопросы нашего времени. Значительное место в творчестве ДБ занимает тема бессмертия и разных форм жизни. Мир должен попытаться понять человека.

У каждого большого писателя, как правило, был свой эшафот, или глубокое душевное потрясение. И в дальнейшей жизни переживание этого внутреннего апокалипсиса, как правило, резонирует в лучших произведениях данного автора. Можно даже не знать биографию Дмитрия Бобышева, но, читая его стихи из «Петербургских небожителей», можно с уверенностью сказать: та давняя любовная история и была его «эшафотом». Философия была дана поэту через страсть: «Есть белый свет... есть тёмный свет». Эта история с любовью к Марианне Басмановой настолько клокочет до сих пор в строчках поэта, что никакие людские пересуды ей не страшны. Неразделённая любовь не так страшна. А вот если тебя любили, а потом вдруг – нет, и ты в этом неповинен, тебе кажется, что ты видел гибель мира.

Давняя любовная история экранирует философскими смыслами: избыток и нужда перетекают друг в друга. «Открытое – всегда чуть-чуть пустое, а может быть, и вовсе пустота», – говорит поэт. И вот что интересно: маленький мир, где всего три человека, выворачиваясь, превращается у Дмитрия Бобышева в расширяющуюся вселенную, где человек – лишь маленькая песчинка мироздания. Я бы отнёс поэму «Небесное в земном» к «фаустианскому» направлению литературы. Неслучайны и «Новые диалоги доктора Фауста». Как это ни парадоксально прозвучит, на мой взгляд, в соперничестве с Бродским, с точки зрения вечности, выиграли оба поэта. Страстотерпие выковывало философию. «Доросла до простора твоя непомерность», – пишет Бобышев. Выигрыш в любви – геометрия. «Учись на всём», – говорит поэт. И он, безусловно, мистик. Его опыты привлекли внимание такого

выдающегося художника, как Михаил Шемякин, который проиллюстрировал «Зверей святого Антония».

Америка «попотчевала» поэта неслыханно звучной топонимикой, и всё это богатство по-маяковски легло в строчки его поэм, написанных уже в Новом Свете. Читатели увидели в новом свете всё его творчество. Поэмы и циклы стихов Бобышева легко конвертируются, «развоплощаются» в отдельные стихотворения. Дмитрий – человек позитивный, и это ощущение проходит через всё это творчество. «Вот потому-то, жизнью вусмерть пьяный, / в разгаре не увиденного дня / прошу: да не оплакивайте в яме / Мафусаила юного, меня, / исполненного звуками и днями». Для того, чтобы писать, скажем, оды, необходимо особое душевное настроение, жизнелюбие, приятие окружающего мира. Наверное, в самой России сочинители од появятся ещё не скоро. Скажу больше: Дмитрий Бобышев – редчайший пример успешного долгожителя в русской поэзии. Он обладает недюжинными познаниями в области русской словесности. Его стихи давно вошли в золотой фонд отечественной культуры. Дирижабль его поэзии («Ода воздухоплаванию») парит высоко в небе, хотя у меня сложилось впечатление, что в жизни Дмитрий Васильевич – человек очень скромный для поэта такого масштаба. Благодаря Дмитрию Бобышеву, у нас есть возможность общаться с Анной Ахматовой через одно рукопожатие.